

Введение

Из всех бед и трагедий своей долгой истории человечество дольше всего помнит войны и революции. Потому что именно они уносят больше всего жизней, проливают реки крови. Происходит катастрофический всплеск всего деструктивного, что заложено в человеке и обществе. Поэтому те, кто называет себя консерваторами, всегда осуждают войну и революцию с моральных позиций.

Но ведь не менее аморально то состояние, когда общество и его элиты игнорируют проблемы, при котором статус-кво не является ни справедливым, ни моральным. Ведь именно нерешенность и подспудное накопление проблем ведет к социальным взрывам, когда верхи не могут больше менять себя и общество в соответствии с новыми вызовами, возможностями и угрозами, а низы не хотят терпеть ставшего нелегитимным порядка.

Масштаб разрушений, которые приносят революции, поражает. Но в чем кроется исток этих бедствий? Не в том ли простом факте, что существующая ситуация оценивается людьми как невозможная, недостойная и нетерпимая. Реальность становится настолько чудовищной, что все грядущие беды перестают страшить. История помнит жестокости французских революционеров. Но она помнит и слова о том, что «если нет хлеба, то можно есть пирожные». И потому Робеспьер имеет колоссальное моральное преимущество перед Марией Антуанеттой, а Ленин — перед Николаем II. Российская революция унесла миллионы жизней, но история беспристрастно свидетельствует также о том, насколько тяжела была жизнь большинства населения страны и насколько деградировал правящий класс в дореволюционное время. Распад Советского Союза до сих пор болью отзывается в сердцах современных россиян и жителей бывших советских республик. Однако этот распад стал возможен потому, что властвующая элита потеряла свой моральный авторитет среди большинства населения.

Именно в такие моменты утраты связующего общества нравственного стержня, делающего власть легитимной, и происходят масштабные социальные катастрофы. Они нечасты и непредсказуемы по последствиям, в силу того что субъект общественных изменений рождается в самой

ситуации перемен. Наличие социальных групп, потенциально заинтересованных в изменениях, представляется недостаточным основанием для того, чтобы возлагать на них политические надежды и ожидания. Гегелевско-марксистский «субъект в себе» для реальной политики не существует, будь то ленинский пролетариат, маргиналы «великого отказа» (Маркузе), авангардные интеллектуалы, формирующие мировоззрение прогрессивных классов, или молодежь как новое поколение, которое «ждет перемен». Революции не вытекают с фатальной неизбежностью из каких-либо всеобщих законов истории или развития общества, а творцы революций, как правило, выдвигаются не из рядов тех, кто занимается их «профессиональной» подготовкой. Ситуация слома прежнего порядка всегда неожиданна, и ключевыми субъектами становятся те социальные силы, которые готовы дать остальному обществу более моральные, а следовательно, приемлемые (легитимные) основания для нового общественного порядка. Выдвигаются цели, выходящие за пределы привычного состояния и часто являющиеся (реализуемыми здесь и сейчас) утопиями, раздвигающими прежние социальные горизонты.

В наше время о морали чаще и охотнее всех говорят правые разного толка, называющие себя традиционалистами, религиозными фундаменталистами, националистами, консервативными революционерами или просто консерваторами. Незыблемость устоев, верность традиции, почитание авторитета — всё это рассматривается как основа и непреложное условие существования общества и самого человека. Апелляция к морали — их излюбленный прием в борьбе с оппонентами, оружие, которое они особенно любят обращать против своих противников. Правые в этом отношении весьма дальновидны, в отличие от левых, которые чаще всего пренебрегают всякого рода «морализаторством».

Хотя, по сути дела, консерваторы никогда не имели монополии на владение оружием морали. Трудно не заметить, что они всегда используют его в целях стабилизации сложившихся властных отношений, оправдания власти, закрепления ее в руках тех, кто уже ею обладает. В конечном счете, в руках традиционалистов и консерваторов мораль становится инструментом для поддержания сложившейся системы общественных отношений. Сегодня это означает обеспечение стабильного существования капиталистической системы, охватившей мир глобально.

Однако со времен своего возникновения в основании капиталистической мирозастемы лежит *неустранимый фактор морального коллапса*. Этот фактор состоит в забвении базовых внеэкономических общечеловеческих ценностей, выразителем которых в эпоху становления капиталистической мирозастемы в Европе служило христианство. До сих пор на уровне этики человечество не нашло полноценной замены этим

ценностям. Моральный коллапс — это повсеместное господство «человека экономического», руководимого прагматической логикой извлечения прибыли, в том числе посредством ничем не сдерживаемой эксплуатации других людей. Доминирующий импульс наживы любой ценой распространяется и на политическое мышление, на все внеэкономические сферы деятельности людей как нечто нормативное, хотя и ощущаемое подспудно как неправильное и нелегитимное, неэтичное и безнравственное.

Правые правящие элиты никогда не могли предложить сколько-нибудь эффективной стратегии нейтрализации фактора перманентного морального коллапса, охватившего вместе с капитализмом весь мир. Революционеры, меньше рассуждая о традиционных ценностях, практически всегда обладали явным преимуществом именно в нравственном отношении, на практике реализуя разные формы национального, культурного, классового освобождения, добиваясь расширения прав и возможностей для всё большего числа людей. Напротив, прикрытая морализаторством деятельность правых элит, их идеология и реакционные утопии всегда объективно противоречили ценностям, в верности которых они клялись.

История буржуазных элит современности всегда демонстрирует извращение и предательство столь почитаемой ими христианской морали в пользу разного рода эгоистических национальных и групповых интересов. Извращение и предательство становились очевидными, как только критики начинали сопоставлять последствия деятельности правых с их идеологиями и обнаруживали, что ценности, к которым правые всегда декларировали свою приверженность, совсем не вытекают из их политических философий. Моральная путаница им выгодна. Такая же путаница царит в головах некоторых мыслителей, считающих себя левыми, которые смешивают под всеядным названием «нигилизм» все виды жестокостей и аморализма, с которыми они сталкиваются в современном мире.

Между тем есть только один вид аморальности и нигилизма, действительно достойный внимания в глобальном масштабе — это глубинная аморальность самой капиталистической миросистемы. Капитал изначально был готов погрузить человечество в хаос кровавых войн за передел колоний и рынков сбыта, войн, которые сегодня прорываются наружу в ряде локальных конфликтов, а в минувшем веке вылились в две мировые войны. Какие бы иллюзии ни питали люди капиталистической миросистемы по поводу безмятежного прогрессивного будущего, неустранимая черная дыра фактора морального коллапса сводит их усилия на нет. Промежуток между мировыми войнами был эпохой моральной вседозволенности не в том обыденном

понимании, которое обычно вкладывается в эти слова, но в гораздо более широком и страшном смысле.

Многочисленные европейские нации, считавшие себя цивилизованными, с 1914 по 1918 г. столкнулись на полях сражений. Красивые лозунги о спасении культуры и гуманистических ценностей прикрывали гибель миллионов людей, гибель ради того, чтобы помочь одним капиталистам потеснить других на мировых рынках. Первая мировая война за «более справедливый» мир привела лишь к дележу колоний, в ходе которого победители азартно грабили побежденных. В начале XX в. многие думали, что Первая мировая станет последней. Но в итоге человечество получило мир, беременный другой, еще более страшной войной.

Тогда, при общем господстве «человека экономического» и модели всеобщей конкуренции, возобладала мораль, согласно которой в борьбе за место под солнцем все средства хороши. Такую философию, примененную в масштабе наций, называли консервативной революцией, а потом фашизмом и национал-социализмом. Роль фирмы или корпорации, стремящейся к монополии на рынке, теперь должны были сыграть народы. Избранные должны были достичь доминирующих высот за счет уничтожения и порабощения более слабых. Идеологи, проповедовавшие эти виды политической философии, очень любили рассуждать на темы морали, и нередко из этих рассуждений вырисовывалась достаточно привлекательная картина общественной жизни. Для счастливого меньшинства. Однако в глобальном масштабе из такого эгоистического морализаторства неизменно вытекали аморальные последствия и, следовательно, в основу его была положена великая ложь.

Ослабленные варианты той же самой философии, популярные в западной общественной мысли и имеющие хождение в современной России, сегодня называют «цивилизационным подходом», «преследованием национальных интересов», «здоровым национализмом», «возвратом к традициям», «опорой на здравый смысл» и т.д. В своей основе они не менее лживы.

Самым грозным оружием революционных сил левого толка в действительности всегда являлась мораль, альтернативная описанной выше. Именно она давала им настолько очевидное моральное преимущество, что даже представители господствующих классов вынуждены были это признавать. Сегодняшние рассуждения российских оппозиционеров и радикалов на тему «кто кого насколько ограбил», призывы сохранить социальные гарантии или восстановить утраченную социальную справедливость сами по себе не дают и не могут дать угнетенным морального преимущества перед правящими элитами. Уступая своим противникам свое самое грозное оружие, оружие более высокой морали, левые будут проигрывать.